Интернет-альманах Port-Folio, 2005, Выпуск 91 (26 марта 2005 года)
http://www.port-folio.org/2005/part60.htm

Борис Цукерман

Памяти друга

О Борисе Биргере, большом художнике и человеке

Было это очень давно, но было. Вспоминаю: родители и мы с братом жили у Арбата, в Староконюшенном переулке. В начале весны по канавкам вдоль края тротуара, между ним и булыжной мостовой, почти музыкально журчали ручьи от тающего снега. На эту красоту насмотреться было нельзя. На пересечении с поперечным переулком, Сивцевым Вражком, вода через чугунные решётки шумным водопадом срывалась под землю и по неведомым путям убегала в Москву-реку.

А рядом на Сивцевом Вражке, в доме по дороге к Пречистенскому бульвару, на втором этаже, жили друзья наших родителей, Биргеры. Было у них двое детей: моя ровесница, красивая девочка, Наташа, которую дома звали Туся, и её младший брат, тогда совсем ещё малыш, Боря. Квартира большая, красиво, чисто, а стены почти целиком заняты огромным количеством книг.

Папу их, Георгия Ефимовича, друзья звали Люся. Высоко образованный, он занимал достойное место в компании друзей — врачей, юристов, экономистов, составлявших цвет еврейской интеллигенции. Хорошо помню родного его брата, Гисю, жившего на Кудринской площади с женой, Верой, умнейшей женщиной, врачом — психиатром, Гдалю Бенинсона, видного учёного Давида Гальперна. Входили в эту компанию и мои дорогие родители.

Конечно, взрослые и ребята общались порознь. Когда мы бывали у них, нами занималась Тусина и Борина мама. Когда они приходили к нам, эту роль исполняла мама моя.

Вспоминаю, как мы с Борей бывало вместе в сопровождении моей или его мамы ходили в музеи. В Музее Изобразительных искусств на Волхонке застывали у Микельанджеловского Давида, любуясь его мощью и благородным мужественным обликом, с интересом взирали на удивительные свидетельства истории Древнего Египта и каменную резьбу с клинописью из Ассиро-Вавилонии.

Поднявшись по почти дворцовой лестнице на второй этаж, попадали в скульптурный мир классической Эллады, который был близок нам. Ведь многие мифы древней Греции мы знали почти наизусть. А далее, за двумя малышами, вскормленными дикой волчицей, следовал мир древнеримских героев и богов Олимпа.

Всею душою мы впитываем необыкновенную красоту. Стоим перед Лаокооном с детьми, которых, несмотря на героическое сопротивление, безжалостно душит огромный жестокий удав, перед беломраморной Венерой, завораживающей нас своим обаянием, несмотря на отсутствие утраченных много веков назад рук; всматриваемся в скульптурные портреты древних мудрецов и героев, иногда настолько выразительные, что мы на себе ощущаем их проницательный взгляд.

А в залах то тут, то там художники с мольбертами на тонких металлических штативах увлечённо рисуют углем на больших листах бумаги изображения этих скульптур. Мы с Борей тоже с увлечением следим за этим процессом. Особенно интересно было, когда по

выразительности — правда, очень редко — изображение начинало соревноваться с оригиналом.

Позднее и мы стали приходить туда с карандашами и альбомами для рисования, садились на стул и, поставив альбом на колени, пытались делать то же. Робкие детские попытки. Взрослые художники в перерывах для отдыха нередко подходили к нам, улыбаясь, указывали на ошибки и подсказывали пути их исправления. Для Бори это была первая школа избранного впоследствии им пути.

В других залах экспонировались картины. Мы вдруг натыкались на торчащие пятки блудного сына, которого Рембрандт вернул родителям, бывали с этим художником на «Уроке анатомии», стояли рядом с Саскией, любовались пышнотелыми Рубенсовскими красавицами, выразительными портретами Франса Хальса и многим, многим другим. В формировании и моего, и Бориного мировосприятия всё это играло огромную роль.

Где-то в тридцатые годы в этом музее была организована большая выставка графики Рембрандта. На стенах и поставленных в залах столбах были закреплены собранные в книги огромные застеклённые страницы, перелистывая которые мы проникали в загадочный мир гениального художника. Было очень интересно, но возникали и недоумения. Помню, Боря позвал меня к одной из гравюр: «Посмотри, что за «Венера» такая? Некрасива до безобразия, тощие груди свисают почти до пупа. Какая же это богиня любви?!» Я был с этим абсолютно согласен и тоже не понимал, как могло возникнуть такое название. Конечно, неспроста, но как?

Интерес к рисованию появился у Бори в детстве. Мама его активно это поддерживала. Помню, летом тридцать второго года и мы, и Биргеры снимали дачи под Москвой, в Кратове. Жили рядом. Однажды родители дали нам бумагу, акварельные краски и кисточки и предложили пойти вместе рисовать пейзаж. Сидели у ручья, старались, а, когда к обеду вернулись домой, родители посмотрели и единодушно решили, что у меня получилось лучше. Парадокс? Да, с сегодняшней точки зрения. Тогда же Боре было всего 9 лет, мне уже 12. В том возрасте — разница большая

Очень любили мы ходить в ещё существовавший на Большой Пречистенской улице Музей Новой западной живописи. Здесь потрясало всё, начиная с написанного Матиссом безумного хоровода красных фигур на зелёном фоне, встречавшим гостей музея ещё на лестнице перед входом в саму галерею. В первом же зале мы созерцали берега Туманного Альбиона, представленные Пюви де Шаванем и Клодом Моне. На стене напротив — Пикассо: знаменитая «Девочка на шаре», а над дверями у входа в другой зал — синего цвета старый еврей, сидящий, скрестив ноги, на земле рядом с таким же синим мальчуганом, наверное, своим внучонком.

В следующих залах — тот же Моне со знаменитыми Парижскими бульварами и многим другим, загадочные, очаровательные женщины Ренуара, красавицы-таитянки Гогена, живые подсолнухи Ван-Гога…

Какие бы ни были имена: Курбе, Сезанн, Писарро, Мане, Дега, Сёра, Синьяк, какими бы ни были мотивы картин: портрет, пейзаж, натюрморт, бытовая сцена - всё не просто красиво, а духовно насыщено, и в душе Бориса и моей на всю жизнь оставило драгоценный несмываемый след.

Когда я смотрю на картины Бориса Биргера, уже созревшего художника, у меня нередко возникает ощущение, что дух импрессионизма время от времени просвечивает и у него. И мне это приятно.

Время развело нас в разные стороны. Боря и Туся с родителями продолжали жить в Москве, мы в связи с рабочими интересами отца оказались в Минске, там познакомились с Бориным

дядей, Ясей Биргером, но прожили там недолго, отец мой тяжело заболел и вскоре умер. Мы с мамой возвратились в Москву, но встречи с друзьями были уже очень редкими.

А дальше — война. Родной мой брат, двоюродные братья, Боря Биргер, я — все мы оказались в действующей армии, на фронте. Мы воевали, Туся же за это время сумела окончить Московский Университет, стала физиком и увлеклась изучением природы и свойств космических лучей. Много времени проводила она в экспедициях в далёких, высоких горах, где космические лучи наиболее доступны. Век её оказался недолгим. Неясно, что стало причиной злокачественного заболевания, трагически завершившего Наташин жизненный путь. Не те ли самые лучи?

К счастью, с войны мы все вернулись. Подранки, инвалиды, но головы и руки целы, это главное. У каждого жизнь раскручивалась по-своему: мы с братом ушли в науку, Боря — в искусство. Писал он много, особенно портреты. И чьи? Среди его моделей много оказалось тех, кого потом начали именовать диссидентами. Большинство стали настоящими его друзьями Случайно ли это? Нет, ведь он сам всегда был истинным поборником справедливости и в жизни мало чего боялся. Трудности, которые он этим зарабатывал, преследовали его почти всю дальнейшую жизнь.

Вспоминаю 1962 год. Выставка в Манеже. Борина картина: на крыше городского каменного дома рядом с телевизионной антенной стоит женщина с младенцем на руках. Казалось бы, что тут особенного? Но смотришь и чувствуешь: это ж Мадонна, истинная Мадонна с младенцем, олицетворяющая бесконечное добро.

Как советский художник посмел такое написать?! Никита Хрущёв, посетив эту выставку, не зря устроил там настоящий разгром. Да и висела картина эта вблизи «Обнажённой со скрипкой» Фалька, ставшей главной мишенью озверевшего Никиты.

Не случайно поэтому, приходя к Боре в мастерскую в Измайлове, мы нередко подмечали очевидных дежурных КГБ-шников, пристально следивших за тем, кто его посещает. Противно было до тошноты.

А ходить мы туда любили. Любили Борины картины, особенно портреты. Есть в них какое-то волшебство проникновения в человеческую суть. Чем дольше смотришь на портрет, тем глубже её постигаешь. И что удивительно: в вовсе незнакомом человеке иногда невольно начинаешь ощущать некую духовную близость.

В многочисленных его групповых портретах почти везде среди действующих лиц — он сам, всегда в полунасмешливом, нередко шутовском обличье. Кстати, мотив этот присутствует практически и во всех автопортретах.

Очень привлекательно, когда человек, глядя на себя со стороны, иронически улыбается, а не приходит в восторг или умиление. Последнее всегда отталкивает.

И что ещё поражает в Бориных картинах — свет! Свет извне и откуда-то изнутри. Один из сюжетов: в углу комнаты лицом к стене стоят холсты на подрамниках и написанные уже картины. Ощущение полного беспорядка. Может быть, досадно даже. Но нет: откуда-то слева из невидимого окна льётся свет. Он буквально пропитывает картину и создаёт атмосферу радости настолько сильной, что чувствуешь, как душа чуть ли не начинает петь!!

Смотришь на портреты, написанные Борисом, и кажется, свет — их материальная основа, и лица вытканы едва ли не из него.

Эту удивительную особенность живописи Бориса Биргера заметили давно: Генрих Бёлль, старый Борин друг, говорил, что свет в его картинах почти Рембрандтовский. Кое-кому видится родство и с Вермеером Дельфтским. Мне, однако, думается, что параллели здесь чисто внешние, связанные скорее с мотивами и ситуацией использования света, чем с

Porträt Mascha mit Vinchhj und Njuscha 1977 90,0 × 80,0 cm

внутренней сутью творчества. Здесь, я убеждён, Борис как художник абсолютно индивидуален.

12 марта — день рождения покойной Туси Биргер — был традиционным поводом для встреч друзей. В квартиру на Садовой Кудринской приходили многие. Её друзья по школе и Университету, Борины, прежние и теперешние. Всегда было интересно и очень приятно. Говорили обо всём, ничего не боялись, так как наушников и доносчиков среди нас не было. Хохотали, когда Боря рассказывал о том, как он защищал на вокзале у железнодорожного вагона возвратившегося в Москву из ссылки в Горький академика Андрея Сахарова, с которым был в настоящей дружбе. Защищал едва ли не в рукопашную, да ещё с «материнским акцентом» от буйствовавших журналистов, которые не давали им пройти к машине.

Помню, как однажды Боря дал нам послушать магнитофонную звукозапись капустника, который был организован у него дома актерами театра «Современник», где Боря активно участвовал в художественном оформлении некоторых спектаклей. Организован он был как бы в честь открытия первой персональной выставки Бориса Биргера, о чём в те годы даже мечтать было невозможно.

Участники капустника удивительно ярко и остроумно выступали от лица видных и знаменитых деятелей культуры и искусства, выражавших большую радость по поводу этого события. Всё было насыщено юмором и звучало потрясающе. Особенное впечатление оставила Алла Демидова, которая, буквально перевоплотившись в Бэлу Ахмадулину, говорила её голосом, в её манере. Мы слушали и хохотали от души.

Борис Цукерман. Памяти друга

Porträt Schauspielerin Alla Demidova 1979 102,0 × 81,5 cm

А портрет Аллы Демидовой, созданный Борисом Биргером, приобрёл для нас какое-то особенное звучание. И каждый раз, увидев его, мы подолгу не могли от него оторваться.

Нельзя было не вспомнить спектакль театра «Современник» «Кабала святош», где во всю длину занавеса сцены Борис сделал как бы пересказ своей известной картины, изображающей страдальца, под крики толпы несущего крест. Здесь, конечно, это было символом трагической судьбы Мольера, чему и был посвящен спектакль.

Однако, скорее всего, даже вне зависимости от сознания самого Бориса, просвечивало тут и другое: драматизм личной судьбы художника, в которой он сам нередко оказывался страдальцем, иногда едва ли не мучеником. Надо, правда, отдать ему должное: это он всегда скрывал, никогда не выставляя на всеобщее обозрение.

И всё же очень хотелось найти возможность обеспечения спокойной и достойной жизни для себя и своей семьи. Выход был найден: эмиграция. Выбор пал на Германию, так как немецким языком Борис владел свободно.

В Москве остался его сын от первого брака со своей женой, в Германию в 1990 году уехали с Борисом его жена, Наташа, и две дочки. Жизнь складывалась не просто.

Всё, казалось бы, хорошо. Но здесь, как в каждой большой семье, свои хлопоты, свои проблемы. Наташа, вся в трудных заботах, не может по-настоящему отдаться своей работе, а она, ведь тоже художник. Когда мы с женой в 1998 году сумели на две недели попасть к ним в гости, Боря рассказывал, что недавняя Наташина персональная выставка пользовалась успехом, немало картин было продано. Сейчас же она к мольберту не подходит, времени нет.

И нам, к сожалению, ничего не показала. Может, стеснялась возможного невольного сравнения с картинами Бори?

Таким образом, Боря фактически — единственный кормилец большой семьи (включая московскую её часть), в которой никто, кроме него, не зарабатывает. Никакой пенсии, никакого денежного пособия в Германии они не получают: платили бы им, если бы приняли они немецкое гражданство. Но это невозможно, пока не лишат их гражданства российского. Россия же этого не допускает: «Вы вывезли картины известного русского художника Биргера незаконно. Возвратите их, это — достояние русской культуры, это — собственность Государства Российского. Вернёте, разговор о вашем отказе от гражданства можно продолжить. Нет — не ждите ничего!»

Вот и приходилось ему вкалывать практически ежедневно — писать заказные портреты. А он не мог делать это равнодушно и тратил такое количество душевной энергии, что только от этого оставался вовсе без сил. Правда, не зря, отнюдь не зря!

Однажды при нас пришёл заказчик с женой. Сеанс — три с половиной часа — и портрет готов. Боря приглашает нас в мастерскую. Большой портрет углём — на мольберте, рядом — модель. И странно: портрет гораздо более живой, интеллектуально и эмоционально более насыщен, чем то, что мы могли с первого взгляда понять, разглядывая этого далеко не молодого человека…

Боря сумел увидеть то, что невольно скрыто под повседневным скромным обликом. Удивительно здорово. Нет, 1500 немецких марок он получил за это совсем не зря!

А я по дурости не «сработал». Глазел и глазел вместо того, чтобы взять в соседней комнате фотоаппарат и запечатлеть для вечности всю троицу: автора, модель и портрет. Простить себе не могу! Ну, «после драки…»

Это далеко не всё. Борис говорит: «Профессора в германских институтах, где преподают живопись, получают очень хорошее жалование. К сожалению, мне это не светит. Вы же знаете, что такое современное «искусство»: переплетение цветных кружочков, палочек с полной абстракцией и от формы, и от содержания. Рисунок в Академиях вовсе не преподают. Более того, заниматься им запрещают (?!). Многие хотели бы заниматься у меня, но с пребыванием в Академии это несовместимо. Кое-кто из них ко мне ходит, правда, нелегально, под строгим секретом.

Последние годы общий интерес к этому, абстрактному, направлению искусства резко снизился, почти иссяк, картины этих «художников» почти не покупают. Поэтому ко мне они, как к опасному конкуренту, относятся враждебно. Отсюда следствие: под их влиянием (а это люди сильные, их много) музеи картины покупать у меня перестали, а те, что имеют, снесли в запасники. Вот так. Мне от этого плохо, терплю заметный материальный ущерб: то, что могут купить музеи, не всегда доступно отдельным лицам. Всё же, будем надеяться на лучшее!»

То, что рассказал Боря, звучало, признаться, неожиданно и грустно. И всё же имя его уже котировалось высоко, очень многие считали его лучшим художником Германии. Это вселяло надежды.

1 апреля 1998 г. Боре минуло 75. В знак этого события Германское телевидение устроило в Майнце в своих залах огромную выставку его картин. Открытие состоялось 5 апреля, и было очень торжественным. Поздравляли Борю едва ли не самые крупные деятели страны. Много гостей прибыло на торжество и из других стран, в том числе из России. Выставке посвящено несколько телепередач и газетных статей. То, что в СССР было абсолютно немыслимым, в Германии, наконец, состоялось.

Выставка очень хороша, расположена в роскошных залах, принадлежащих огромному телецентру. По существу, это целый город, куда обычно дозволено проходить только по пропускам. Сейчас же единственный пропуск-пароль: «БИРГЕР», и ворота сразу открываются.

Большинство картин мы знаем, встретили их, как старых друзей. Прежде всего, это, конечно, групповые портреты, главные персоналии которых друзья Бориса и его единомышленники, «диссиденты» прошлых времён, что соответствующим, почти роковым, образом сказалось и на их, и на его судьбе.

Приятно было вновь встретиться с портретами Даниелей, Копелевых, Гали Балтер, Наташи и девочек и даже Василия Аксёнова, которого за последние его «произведения» мы, правда, разлюбили. А около Аллы Демидовой стояли, стояли, просто не в силах отойти. Да, есть в Бориных портретах какое-то волшебство проникновения в человеческую суть, о которой сами портретируемые, я думаю, и понятия не имеют. А мы, чем дольше смотрим, тем больше её постигаем. И отходим от них не потому, что пресытились, а только потому, что хочется на выставке увидеть всё.

На выставке для нас много нового, по-настоящему интересного. Не всё, конечно, впечатляло одинаково, но иначе и не бывает, даже у великих. У Бори же яркое собственное лицо, он ни на кого не похож и на него не похож никто…

С благодарностью мы приняли от него довольно хорошо изданный каталог выставки с трогательной надписью.

В целом, возможно, в значительной степени благодаря этой замечательной выставке, от Германии осталось у нас приятное впечатление. Впрочем, не всё так просто. Как-то к вечеру, где-то часов в восемь, Боря включил телевизор и случайно попал на рядовую общедоступную телевизионную SEX-программу. Я был ошарашен: подробный инструктаж по выполнению половых актов, двуполых и однополых, с яркими, оглушающе шокирующими подробностями, в самых различных вариантах.

Эти TV-передачи — дикий соблазн для подростков, а также — авторитетная информация о том, что отношения между полами — чистая физиология, требующая лишь совершенства владения этой техникой. Разговоры же о возвышенной любви, романтике отношений между мужчиной и женщиной — ни что иное, как пережившая себя чушь, о которой давно и окончательно следует забыть.

Всё это — чистый кошмар, страшное растление сегодняшней молодёжи, реальный путь к уничтожению тех добрых ростков, которые ещё живут пока как наследие морали предшествующих поколений. Не понимаю, почему законы этой страны (да и других стран) не ставят этой «морали» непреодолимую преграду? Не понимаю также, почему государство, высоко оценивающее авторитет религии, не ставя этих преград, фактически способствует нарушению заповедей Христовых?

Машеньку, младшую, 15-летнюю дочь Бори и Наташи, родители отдали учиться в монастырскую школу. Меня вначале это удивило, может быть, даже чуть покоробило, я-то безбожник. Потом, по зрелому размышлению, понял: это правильно, абсолютно правильно! Сегодня зто едва ли не единственный там путь предохранения от разрушения личности человека, начинающего входить в реальный внешний мир. А образование она получит хорошее, полноценное.

Кстати, этот женский монастырь находится на большом красивом острове на Рейне, как раз напротив их дома. Да, чтобы не забыть: Машенька, оказывается тоже, талантлива. Мы видели

Abendmahl 1996 198,0 × 268,0 cm

несколько её скульптур-набросков: особенно запомнился отдыхающий человек, откинувшийся на спинку кресла, с ногой за ногу. Все они хороши и выразительны. У старшей дочери, Жени, свои таланты: открылось звучное сопрано. Её устроили к опытному педагогу, который считает, что у девочки хорошее вокальное будущее. Дай-то Бог!

И очень приятно, что сложившееся представление о том, что природа, одарив талантом родителей, отдыхает затем на детях, здесь решительным образом не подтвердилось.

Наступил последний день нашего пребывания в гостях у Бори Биргера. Вечером мы имели удовольствие от души пообщаться в общей беседе с Биргерами и Войновичами. Они, то есть Владимир и его милая умная жена Ирина, приехали сюда в гости из своего дома в Мюнхене. Мы особенно им обязаны, так как именно у них узнали зарубежные координаты Бориса, когда Владимир выступал у нас в JCC Palo Alto.

Ничто не вечно на земле. Каждый рождённый непременно в своё время из жизни уходит. Ушёл и Борис Биргер — не только талантливый художник, но умный, интересный, благородный человек. Глубокая драма здесь не только для родных и друзей. Потеряли все.

Вечным памятником останутся плоды его труда и вдохновения, которые нашли и найдут ещё достойное место на стенах музеев всего мира.